

МЕСТА КАТОРГИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО В РИСУНКАХ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ 1860-х ГОДОВ

Сообщение | Ф. Н. Радзивиловской*

В середине 1860-х годов в Восточной Сибири находилось много политических ссыльно-каторжных — русских и поляков. Для наблюдения за ними в Иркутске при генерал-губернаторе Восточной Сибири М. С. Корсакове было образовано «Временное управление для надзора за политическими преступниками».

Одним из видов надзора был просмотр переписки. Все письма политических ссыльных стекались к майору Купенкову, возглавлявшему «Временное управление». После тщательного просмотра Купенков отсылал эти письма со своими замечаниями в III Отделение, где их еще раз просматривали и только тогда рассылали по принадлежности. Те письма, в которых III Отделение находило что-либо предосудительное, задерживались и оставались в архиве. Множество таких писем сохранилось в деле III Отделения «О переписке политических преступников с их родственниками»¹. Среди них нами обнаружено сорок шесть рисунков с изображением мест, где отбывал каторгу Чернышевский, — Иркутского Усолья, Байкала, Кадаи, а также бытовые зарисовки, сделанные в Александровском заводе. Все они выполнены с натуры в 1865—1866 гг., то есть в то время, когда в этих местах жил Чернышевский. Об этом свидетельствуют даты на рисунках и визы о просмотре их во «Временном управлении».

Рисунки представляют значительный интерес, так как сохранившиеся письма, документы и воспоминания дают далеко не полную картину условий, в которых находился в то время Чернышевский, а изображения мест, где он отбывал каторгу, до сих пор почти совсем не были известны. Исключение составляют лишь зарисовки Кадаи, которые вывезла в 1866 г. О. С. Чернышевская, приезжавшая на свидание к мужу. Найденные рисунки в значительной степени восполняют этот пробел. Теперь мы располагаем не только новыми изображениями Кадаи, но и целым рядом видов Иркутского Усолья и Байкала, а также зарисовками из быта местного населения Забайкалья. Мы ограничиваемся публикацией двадцати из найденных нами рисунков, т. е. остальные 26 представляют собою лишь копии первых, отличаются от них незначительными деталями, ничего нового, по сравнению с ними, не дают.

* Смерть не позволила автору довести публикуемую здесь работу до конца. В распоряжении «Литературного наследства» оказалась лишь предварительная редакция статьи. Доработка статьи произведена Т. Г. Динесман.

Рисунки сделаны на листах почтовой бумаги в виде заставок к письмам. На многих из них есть надписи, а на оборотной стороне — отрывки писем на польском, а иногда на немецком языке. Это говорит о том, что большинство рисунков (а может быть, и все) сделаны ссыльными поляками. Письма написаны разными почерками. По-видимому, почтовой бумагой с рисунками пользовались для своей корреспонденции не только сами авторы-художники, но и их товарищи.

III Отделение считало недопустимым, чтобы изображения мест ссылки и каторги попадали на волю, поэтому рисунки вырезались из писем и оставлялись в архиве.

Большая часть найденных нами рисунков — а именно тридцать три — относится к Иркутскому солеваренному заводу (Иркутское Усолье). Здесь Чернышевский пробыл с 10 по 22 июля 1864 г. 12 января 1871 г. он писал жене: «Я приехал в Усолье 10 июля 1864 года; с этого дня считается начало срока...» (XIV, 490).

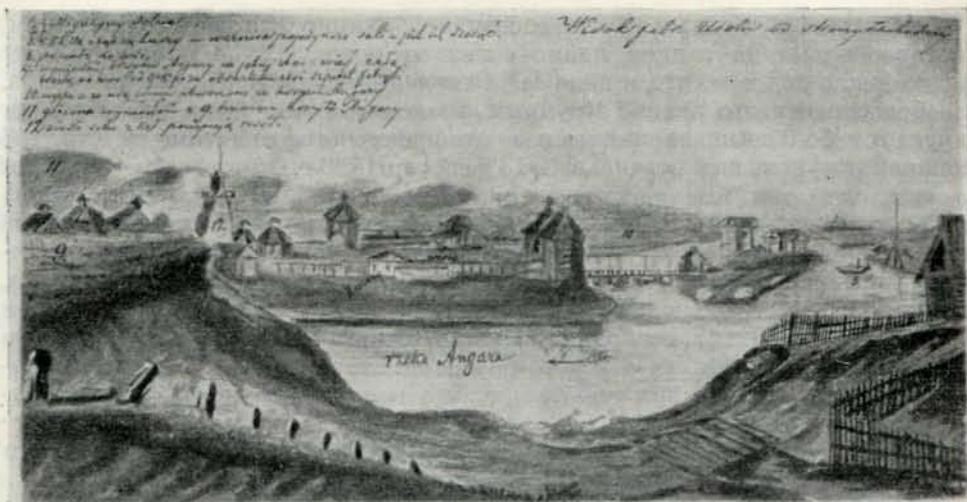
Село Усолье с соляными источниками и солеваренным заводом расположено на берегу Ангары и близлежащих островах на расстоянии около семидесяти километров на северо-запад от Иркутска и приблизительно в трех километрах от большого тракта, соединявшего Иркутск с Томском. До 1765 г. соляной промысел Усолья состоял в ведении иркутского Вознесенского монастыря. Начиная с 1765 г., с переходом промысла в казенное управление, здесь стал применяться труд ссыльно-каторжных. Нестерпимый жар, отравление соляными парами, дым, соль, растравлявшая малейшие порезы, делали работу в солеварнях наиболее тяжелой из всех каторжных работ.

Все рисунки, изображающие Усолье, сделаны Станиславом Катерла, осужденным на каторгу за участие в польском восстании 1863 г.²; большая часть из них (двадцать один) подписана его именем или инициалами. В тех же случаях, когда подпись отсутствует, авторство Катерла сомнений не вызывает: почти все рисунки выполнены тушью, в одинаковой манере, а многие повторяют друг друга с едва заметными отклонениями в деталях (главным образом варьируется стофаж). Исключение составляют только два рисунка с изображением казармы и солеварен. Один из них воспроизведен в т. 63 «Лит. наследства», 1956, стр. 323. Небрежность выполнения, иные пропорции, отсутствие перспективы и ряд других признаков невыгодно отличают его от остальных изображений Усолья, заставляя сомневаться в авторстве Катерла.

Очевидно, другому автору принадлежит и «Вид Усольского завода с западной стороны» (см. на стр. 143) — единственный акварельный рисунок, который и по технике, и по манере исполнения резко выделяется среди остальных видов Иркутского Усолья.

Собранные вместе, все эти рисунки дают довольно полное представление о том, как выглядели Иркутский солеваренный завод и село Усолье в середине 60-х годов прошлого века. Рисунки изображают, главным образом, различные виды острова Барничного на Ангаре, где было много соляных источников и где сосредоточивалось все техническое устройство промысла, а также виды села Усолье, расположенного на левом берегу реки. Некоторые из них сопровождаются пояснениями, в значительной степени увеличивающими их документальную ценность.

Рисунок на стр. 143 изображает, как это видно из надписи, сделанной наверху, «Вид Усольского завода с западной стороны». Подробные пояснения, сопровождающие его, позволяют довольно отчетливо представить панораму завода, расположенного посреди реки на Барничном острове, а также назначение отдельных зданий. Приводим в русском переводе эти пояснения: «1, 2—соляные склады; 3, 4, 5, 6 и т. д., откуда идет пар, одиночные варильни соли — их десять; 8 — перевоз в деревню;

СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД В СЕЛЕ ИРКУТСКОЕ УСОЛЬЕ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ МЕСТО
КАТОРЖНЫХ РАБОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Вид с левого берега Ангары на Барничный остров

Рисунок акварелью польского политического сыльного (имя не установлено), 1866 г.

Перевод надписей на рисунке см. в тексте на стр. 142—143

Центральный исторический архив, Москва

9 — обрывистый берег Ангары, на котором расположено все селение. Немного левее цифры 9, за рисунком, стоит заводская больница. 10 — остров, за ним другие. 11 — главная возвышенность, вместе с 9 создающая русло Ангары. 12 — соляной источник, откуда берут соляной рассол». На самом рисунке надписи: «река Ангара» (стрелка указывает направление течения), «казармы», «стража».

Тот же вид на завод, но взятый в несколько ином ракурсе, изображен на другом рисунке, к сожалению, лишенном пояснений (см. на стр. 145, верхний рисунок). На нем не видно левого берега Ангары, но панорама островов разворачивается шире и детальнее, благодаря чему этот рисунок хорошо дополняет предыдущий.

«Вид соляных складов в Иркутском солеваренном заводе» (см. там же, нижний рисунок) изображает Барничный остров с противоположной стороны.

Панорама села, расположенного на левом берегу Ангары (см. на стр. 146, верхний рисунок), продолжает общую картину Иркутского Усолья. Подпись под рисунком «Вид Иркутского солеваренного завода (в Сибири), со стороны больницы» указывает на то, что этот вид открывался со стороны больницы, которая находилась на том же левом берегу реки (см. ниже рисунки на стр. 147).

Рисунок, датированный 2 июля 1866 г., с подписью: «Вид на село Усолёе с острова» (см. на стр. 146, средний рисунок) изображает вид села, открывающийся со стороны острова. Он может служить продолжением панорамы, знакомой нам по предыдущему рисунку. Двухэтажный домик на берегу, пристань и роца, которые там едва видны на заднем плане, здесь изображены вполне отчетливо. К сожалению, не сохранились пояснения, которыми, судя по цифрам на изображении, оно сопровождалось. Но на обороте другого рисунка, который совершенно точно повторяет этот и датируется тем же числом, читаем: «Казарма в Усолёе на Ангаре с видом дома, в котором мы живем, и огорода, в котором работаем. Огород совсем неплохой, а в нем бани с солеными ваннами».

«Казарма в Усолъе» — это, очевидно, длинное здание с крыльцом, которое видно на заднем плане слева от рощи. Такое предположение подтверждается тем, что в деле III Отделения хранится шесть рисунков, изображающих это здание крупным планом и точно повторяющих друг друга с небольшими вариациями в отношении стофажа (см. на стр. 146 нижний рисунок, датированный 1/13 февраля 1866 г.). Это свидетельствует о том, что оно имело важное значение в жизни ссыльных, такое, которое могла иметь лишь казарма. Не случайно изображение другой казармы, расположенной на острове Барничном, встречается в деле в шестнадцати вариантах. Все эти варианты почти точно повторяют друг друга, поэтому мы воспроизводим только один из них, датированный 12 июля 1865 г. (см. на стр. 147, верхний рисунок). Это вид на казарму и солеварни на острове, открывающийся с левого берега со стороны села. По воспоминаниям одного из польских повстанцев, эта казарма служила местом заключения ссыльных³.

Возможно, что здесь содержался и Чернышевский во время своего пребывания в Усолъе.

На обороте рисунка — отрывок из письма на польском языке: «Посылаю в начале письма вид нашего острова, со стороны Усолъя снятый: в самой середине длинное строение — это наша казарма, где я занимаю место между 3-м и 4-м окном, рядом с левой стороны пекарня для рабочих, перед ней и дальше идет желоб на столбах, по которому соляная вода доходит до варильни, а вдали видно верх судна на Ангаре, дальше за ним можно увидеть больницу...».

Больница, о которой идет здесь речь, находилась на левом берегу Ангары на высоком холме, с которого открывался широкий вид на реку, острова и село Усолъе (см. рис. на стр. 145 и стр. 146). Оба изображения больницы, которыми мы располагаем (см. стр. 147, средний и нижний рисунки), сделаны с Барничного острова. Под рисунками подписи: «Вид больницы в Иркутском солеваренном заводе» и «Вид солеварни и больницы в Иркутском солеваренном заводе».

Интересны и другие изображения отдельных зданий: школы (см. на стр. 148, верхний рисунок) и католического костела (там же, нижний рисунок).

Вторая группа рисунков, задержанных в III Отделении, изображает Байкал у истоков Ангары. Отсюда начинался тяжелый и долгий путь в Забайкалье, который Чернышевский проделал летом 1864 г. 23 июля он был отправлен из Иркутска в Нерчинское горное управление, куда прибыл 3 августа, проехав за это время около 1500 километров.

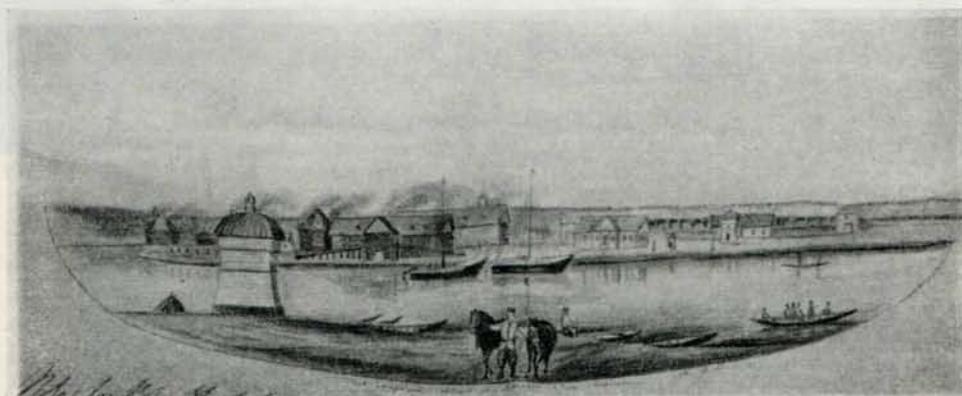
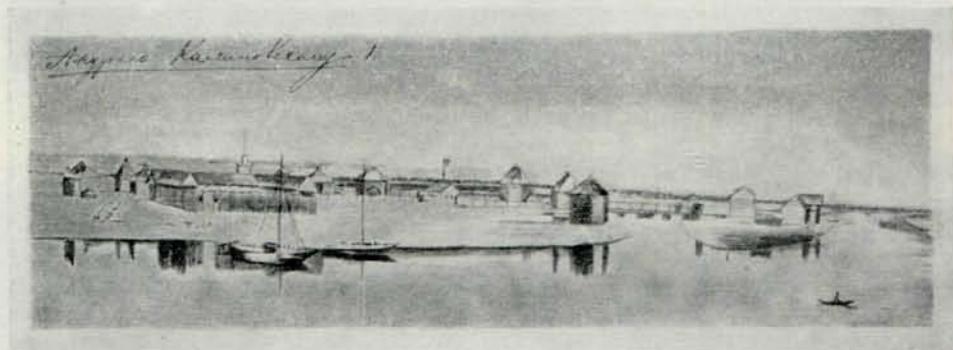
Насколько тяжел был этот путь, мы знаем из писем Чернышевского к жене, собиравшейся приехать к нему на свидание. 19 апреля 1865 г. Чернышевский писал ей из Кадаи: «Подумай, подумай, как велика дорога, как она утомительна <...>, умоляю тебя, подумай о дальности, об утомительности пути...» (XIV, 490).

В другом письме, от 18 апреля 1868 г., Чернышевский вновь предостерегает жену: «...эта дорога через Забайкалье пугает меня за твое здоровье. Я умолял бы тебя не подвергаться такому неудобному странствованию по горам и камням, через речки без мостов, по пустыням, где не найдешь куска хлеба из порядочной пшеницы» (XIV, 496).

Рисунков с изображением Байкала всего два. Они выполнены карандашом в одной манере и почти повторяют друг друга. Разница лишь в том, что на одном из них, имеющем подпись «Вид озера Байкал у истоков реки Ангары» (см. на стр. 149), по сравнению с другим едва заметно изменен ракурс, и все линии носят более расплывчатый характер. Однако то, что все подробности пейзажа совпадают совершенно точно (в частности вид и расположение судов), заставляет полагать, что оба рисунка сделаны

не только одним лицом, но и в один день и что дата «27 октября 1865 г.», которой помечен второй рисунок, относится и к первому. Таким образом, мы располагаем теперь изображением Байкала, сделанным всего спустя год с небольшим после того, как через эти места проезжал Чернышевский. Автор этих рисунков остался неизвестен. Монограмма «I. В.» на одном из них не дает ответа на этот вопрос.

Все остальные зарисовки относятся к Нерчинской каторге 1865—1866 гг.

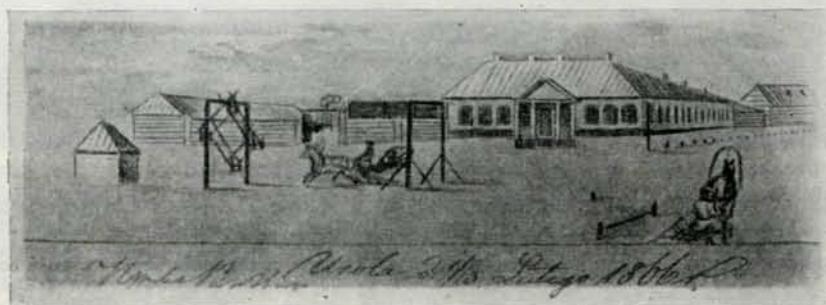
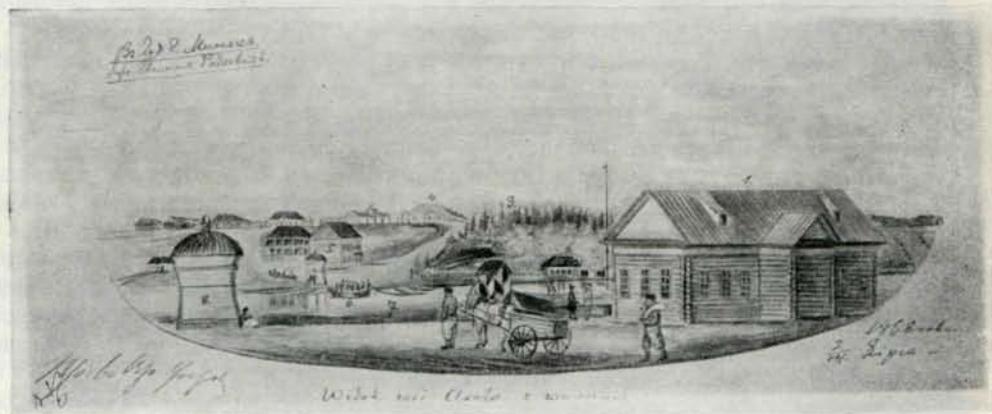
СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД В СЕЛЕ ИРКУТСКОЕ УСОЛЬЕ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ МЕСТО
КАТОРЖНЫХ РАБОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Вид с левого берега Ангары на Баричный остров (верхний рисунок) и вид на тот же остров
с правого берега реки (нижний рисунок)

Рисунки тушью польского политического ссыльного Ст. Катерла, 1865—1866 гг.

Центральный исторический архив, Москва

Огромный треугольник между реками Шилкой и Аргунью образовывал Нерчинский горно-заводской округ, издавна славившийся серебро-свинцовыми рудниками. Здесь, в дикой гористой местности, изрезанной речными долинами, было расположено семь каторжных тюрем, составлявших в 60-х годах прошлого века Нерчинскую каторгу: Александровский завод, Акатуевский рудник, Алгачи, Ключковский рудник, Кутомарский завод, Кадаинский и Зерентуйский рудники.

СЕЛО ИРКУТСКОЕ УСОЛЬЕ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ МЕСТО КАТОРЖНЫХ РАБОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

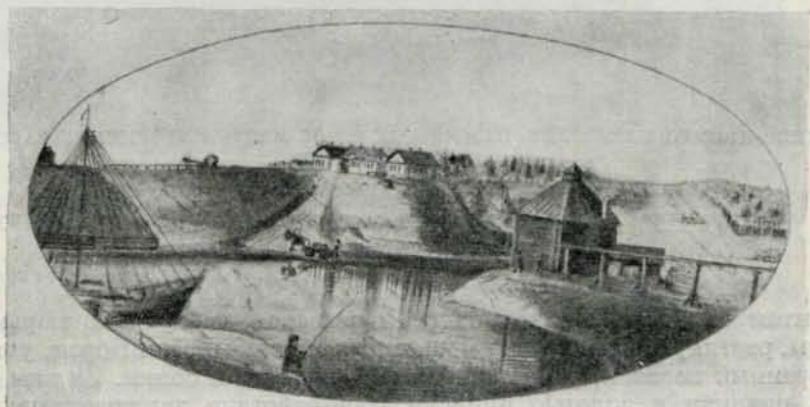
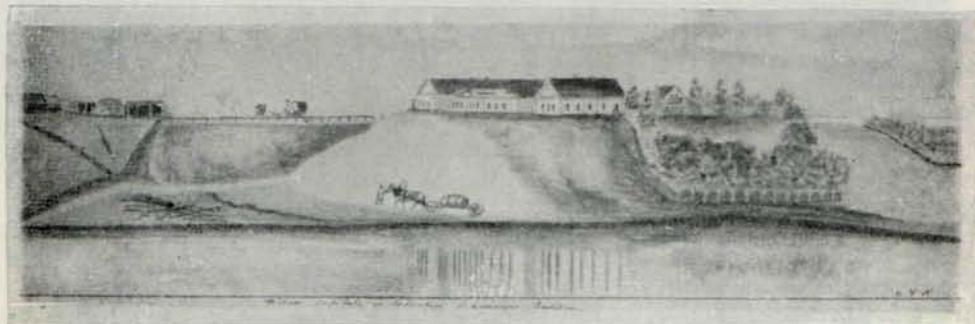
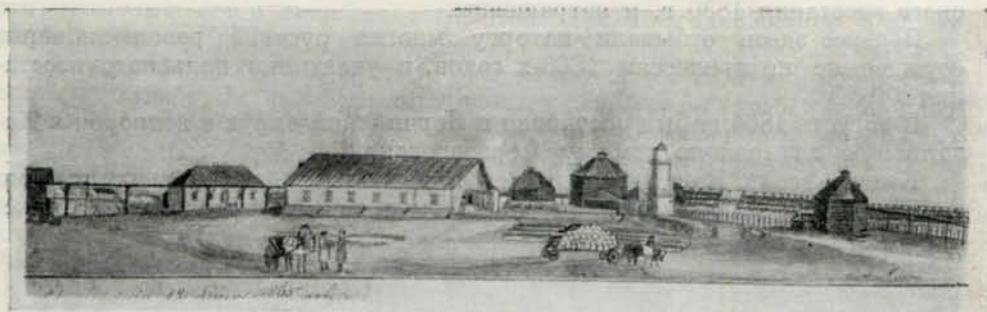
Вид на село с левого берега Ангары. Посреди реки — Барничный остров (верхний рисунок)

Вид с Барничного острова (средний рисунок). Казарма (нижний рисунок)

Рисунки тушью польского политического ссыльного Ст. Катерла, 1865—1866 гг.

Перевод подписей под рисунками см. на стр. 144

Центральный исторический архив, Москва

**СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД В СЕЛЕ ИРКУТСКОЕ УСОЛЬЕ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ МЕСТО
КАТОРЖНЫХ РАБОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Казарма на Барничном острове. Вид с левого берега Ангары со стороны села (верхний рисунок).

Больница: вид с Барничного острова (средний и нижний рисунки)

Рисунки тушью польского политического ссыльного Ст. Катерла, 1865—1866 гг.

Перевод подписей под рисунками см. на стр. 144

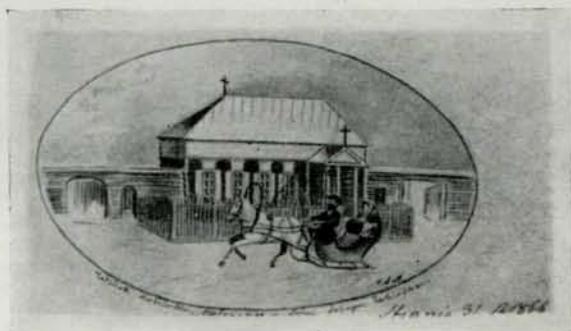
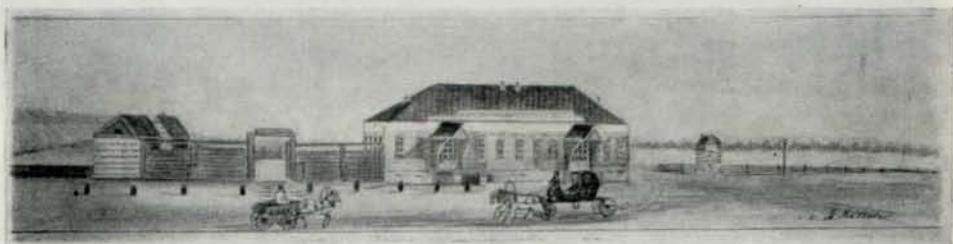
Центральный исторический архив, Москва

В первой половине XIX в. здесь были декабристы, участники польского восстания 1830 г. и петрашевцы.

Позднее здесь отбывали каторгу многие русские революционеры, осужденные по процессам 1860-х годов, и участники польского восстания 1863 г.

В августе 1864 г. был доставлен в Нерчинский округ и водворен в Кадаинскую каторжную тюрьму Чернышевский.

Казачье село Кадая находилось в нескольких километрах от реки Аргуни, недалеко от границы. Здесь, при серебро-свинцовом руднике,

СЕЛО ИРКУТСКОЕ УСОЛЬЕ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ МЕСТО КАТОРЖНЫХ РАБОТ
ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Школа (верхний рисунок). Костел (нижний рисунок)

Рисунки тушью польского политического ссыльного Ст. Катерла, 1865—1866 гг.

Центральный исторический архив, Москва

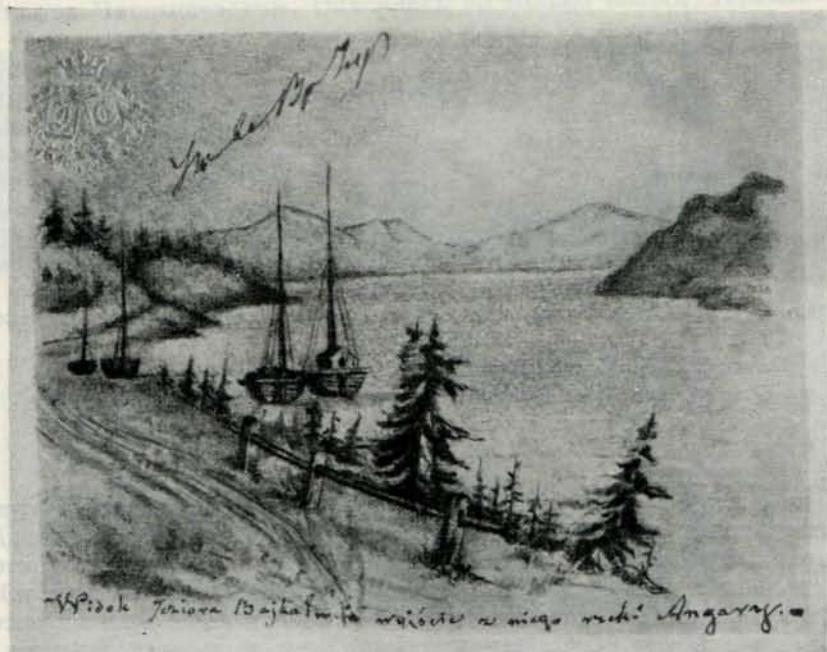
открытом в 1757 г., находилась Кадаинская каторжная тюрьма. Три улицы, растянувшиеся почти на километр в долине реки Борзи, упирались в тюремный поселок, расположенный у подножия сопки. За ним начинались рудники и золотые прииски, где работали заключенные; дальше виднелось кладбище и гряды пустынных каменистых сопки.

Чернышевский пробыл в Кадае с 4 августа 1864 г. до 17 сентября 1866 г., когда был переведен в Александровский завод. Сначала он долгое время находился в лазарете, а по выходе из него, в январе 1865 г., был поселен в остроге — маленьком домике, расположенном в 50 шагах от большой тюрьмы, который служил и местом заключения, и кордегардией. Здесь размещались те, кого считали нужным изолировать от остальных заключенных⁴.

В то время, когда Чернышевский был в Кадае, там находилось более ста политических заключенных — участников польского восстания 1863 г.⁵ От них-то и стремились отделить Чернышевского местные вла-

сти, поместив его в остроге, тогда как другие содержались в общей тюрьме.

Острог находился на склоне горы недалеко от шахты, где производились разработки серебро-свинцовой руды. Это был небольшой деревянный домик, мало пригодный для жилья, что особенно чувствовалось во время долгих суровых зим. Даже сам комендант Нерчинской каторги генерал-майор Шилов указывал в своих донесениях на плохое состояние зданий Кадаинской и других тюрем. В докладе начальнику III Отделения кн. В. А. Долгорукову от 3 февраля 1865 г. он писал: «По ветхости Акатуевской тюрьмы стены промерзают внутри, и в помещениях Алексан-

«ВИД ОЗЕРА БАЙКАЛ У ИСТОКОВ РЕКИ АНГАРЫ». ЗДЕСЬ ПРОХОДИЛ ПУТЬ ИЗ ИРКУТСКА В НЕРЧИНСК, ПО КОТОРОМУ ЛЕТОМ 1864 Г. ПРОВЕЗЖАЛ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Рисунок польского политического ссыльного (имя не установлено). <27 октября 1865 г.>
Центральный исторический архив, Москва

дровского завода и Кадаинского рудника во многих камерах страшный холод от небрежного устройства»⁶. По-видимому, Чернышевский очень страдал от холода в ветхом здании Кадаинского острога. «По правде говоря, мой ревматизм довольно сильно чувствовал во время здешних зимних бурь плоховатость стен кадаинского моего домика...», — писал он жене 2 октября 1866 г. (XIV, 491).

Изображение «кадаинского домика» есть среди рисунков, привезенных О. С. Чернышевской из Сибири. Кроме того, ею привезены еще несколько зарисовок, изображающих различные постройки тюремного поселка, назначение которых неизвестно.

В деле «О переписке политических преступников» хранится пять рисунков с видами Кадаи. Автор их остается неизвестным. Но сходство в сюжетах, технике и манере исполнения между этими рисунками и теми, которые привезла О. С. Чернышевская, заставляет полагать, что анонимный автор их и неизвестный «сотоварищ» Чернышевского⁸, сделавший

ВИДЫ ТЮРЬМЫ В КАДАВЕ. В 1864 — 1866 гг. В КАДАВЕ ОТБЫВАЛ КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Рисунки польского политического эмигранта (имя не установлено), 1866 г.

Перевод надписей на рисунках см. на этой стр.

Центральный исторический архив, Москва

зарисовки в альбом его жены, — одно лицо. Польские надписи и отрывки из писем говорят о том, что он — участник польского восстания. Даты (24 февраля, 3 марта, 15 июня и 1 июля 1866 г.) свидетельствуют, что рисунки сделаны в то время, когда в Кадае находился Чернышевский.

Хотя эти рисунки в очень значительной степени повторяют те, которые известны по альбому О. С. Чернышевской, тем не менее, они дают кое-что новое. Становится известным назначение одного из зданий, зарисованных в альбоме Ольги Сократовны. Три из числа найденных нами рисунков повторяют его изображение. На одном из них, с датой: «1/13 июля 1866 г.» и монограммой «L. W.», есть надпись: «Вид нашей тюрьмы» (см. верхний рисунок). Другой (от 15 июня 1866 г.) точно повторяет его. На третьем, датированном 24 февраля 1866 г., то же здание изображено не отдельно, как на предыдущих рисунках, а на фоне сопки с маленьким домиком на склоне (см. нижний рисунок). Сбоку надпись на польском языке: «Тюрьма, в которой сейчас нахожусь. Домик на горе — это шахта, куда мы ходим добывать серебряную руду. Живу в камере, где окно направо, двор, как видишь, огорожен, и туда можно выйти без конвойного».

Следующий рисунок (см. на стр. 151, верхний рисунок) изображает сопку, на которой расположена шахта рудника. Такого изображения в альбоме О. С. Чернышевской нет, поэтому оно особенно интересно. На склоне этой сопки находился дом, где жил Чернышевский⁹.

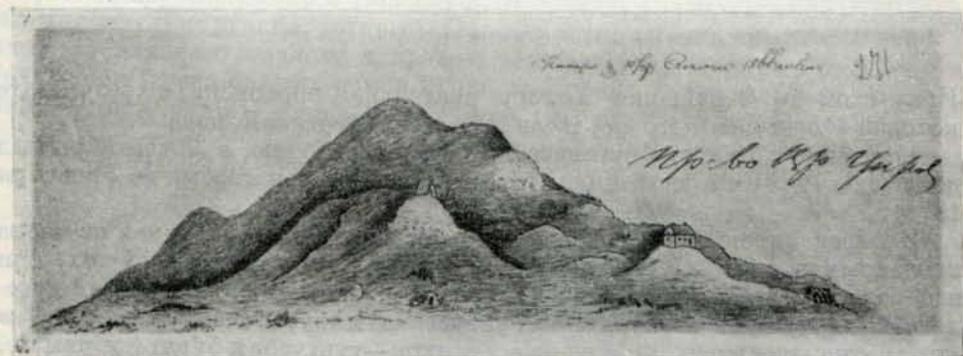
Последняя зарисовка из числа связанных с Кадаем (см. на стр. 151, нижний рисунок) очень напоминает рисунок из альбома Ольги Сократовны, но панорама сопки открывается здесь гораздо шире. Рисунок датирован 3 февраля 1866 г. На полях — отрывок письма на немецком языке: «Горячо любимая матушка! Это тюрьма, в которой я прожил весь

прошлый год. Два окна, обозначенные №№ 1 и 2, — это помещение, где спали мы с кузеном. У окна № 2 стояла моя кровать. Домик на горе...». Далее письмо обрывается — продолжение срезано и, возможно, отправлено по назначению.

Кроме перечисленных рисунков, мы воспроизводим также две виньетки на листах почтовой бумаги. Они изображают различные виды Кадаи — сопку и тюремные постройки (см. на стр. 152 — 153). Рисунки эти принадлежат к числу привезенных О. С. Чернышевской из Сибири и хранятся в музее Чернышевского в Саратове.

После выстрела Каракозова власти были крайне озабочены тем, чтобы в тюрьмах Восточной Сибири «преступники содержались более благонадежно»¹⁰. В частности, были приняты энергичные меры по усилению надзора за Чернышевским. Опасались не только побега Чернышевского, но и того влияния, которое он мог оказывать на политических заключенных Кадаинской тюрьмы. В этой связи интересно письмо возглавлявшего «Временное управление для надзора за политическими преступниками» майора Купенкова, который, выполняя поручение генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова, сообщал нерчинскому коменданту 3 июня 1866 г.: «Его высокопревосходительство Михаил Семенович поручил мне просить вас обратить особенное внимание на политического преступника Чернышевского, как относительно содержания его, так и надзора за поведением, настроением и влиянием, какое он оказывает на товарищей...»¹¹.

По поводу усиления надзора за Чернышевским между Петербургом,

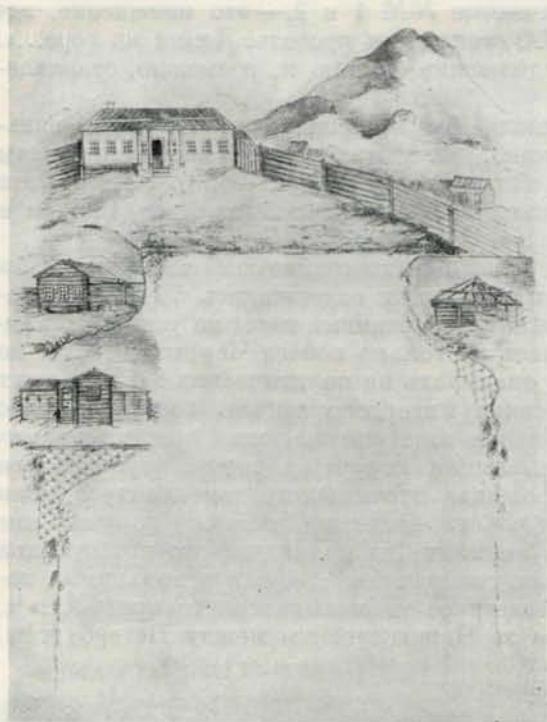

ВИДЫ КАДАИ. В 1864—1866 гг. В КАДАЕ ОТБЫВАЛИ КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Сопка, на которой был расположен рудник (верхний рисунок). Тюрьма и рудник (нижний рисунок)
Рисунки польского политического ссыльного (имя не установлено), 1866 г.

Перевод надписи на рисунке см. на 150—151 стр

Центральный исторический архив, Москва

ВИДЫ КАДАИ. ВИНЬЕТКА
НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕРисунок польского политического
ссыльного (имя не установлено),
1866 г.Дом-музей Н. Г. Чернышевского.
Саратов

Иркутском и Нерчинском велась деятельная переписка, в результате которой Чернышевского перевели в Александровский завод¹².

17 сентября 1866 г. Чернышевский покинул Кадаю, а 23 сентября был помещен в тюрьму Александровского завода¹³, где он пробыл до 7 декабря 1871 г.

В Александровском заводе сделаны последние пять рисунков из числа найденных в деле III Отделения. В отличие от всех предыдущих, они изображают не виды зданий и не пейзажи, а сцены из быта местного населения — бурят и тунгусов. Это «Тунгусская и бурятская езда» (см. на стр. 155, нижний рисунок); группа всадников—тунгусов и бурят (см. там же, средний рисунок)— и особенно интересная «Группа бурят в национальных костюмах, продающих чай» (см. там же, верхний рисунок). Последний рисунок имеется в трех вариантах. На одном из них польская надпись: «г. 1865. Октября... Александровский завод». Не подлежит сомнению принадлежность всех пяти рисунков, выполненных в одной манере, одному автору.

По сравнению с предыдущими рисунками эти зарисовки отличаются большим мастерством исполнения. Надписи на них говорят о польском происхождении автора, но имени его установить не удалось. Следует отметить, что по манере они очень сходны с зарисовками Байкала и, вероятно, сделаны тем же лицом. Это подтверждается и наличием на рисунке «Группа бурят...» той же монограммы «I. В.», что и на изображении Байкала.

Последний рисунок (см. на стр. 156), на котором следует остановиться, представляет собой план общей камеры, где помещалось девять ссыльных поляков. Надпись слева «План моей камеры», фамилии ее обитателей и пояснения к плану написаны неразборчивым почерком на польском языке.

В камере две двери — слева и справа. На одной из них (правой), смежной с соседней камерой, имеется надпись: «Дверь в камеру, где по-

мещен Николай». Не исключена возможность, что «Николай» — это Чернышевский, которого обычно изолировали от других.

На плане не обозначено, к какой из тюрем Восточной Сибири он относится.

Но отрывки из писем, сохранившиеся на других рисунках, помогают установить, что это чертеж одного из помещений в казарме Иркутского Усолья. Так, на обороте рисунка, изображающего вид Иркутского завода, читаем: «Все неженатые живем вместе в казарме, состоящей из одной огромной камеры, светлой и совсем приятной на вид. Делимся в камере на разные группы. Мой постоянный товарищ — неизвестный вам Феликс Зенькович из Гродненской. Занимаем с ним комнатку, разумеется без стен и потолка, размером, нужным на две кровати, два шкапчика и плюс еще три квадратных аршина для стула и чтоб можно было повернуться. Мы с ним являемся как бы филиалом большого чайного и товарищеского кружка, в который входят Александр, его двоюродный брат Болеслав, К. Дзекон, Стульгинский, старый знакомый папы Ясь Свида и двое молодых людей из Царства Польского. Собираемся постоянно на чай и на беседу; стол общий — за два рубля».

Если сравнить этот рассказ с надписями на плане и с пояснением к нему, станет ясно, что там и здесь речь идет об одном и том же, то есть о жизни в казарме Иркутского Усолья. На плане обозначены предметы, из которых состоит обстановка комнаты, и имена ее обитателей. Достаточно сопоставить их с именами, перечисленными в цитированном выше письме, чтобы убедиться в том, что они совпадают: Зенькович, А. Оский и Б. Оский (очевидно, Александр и Болеслав), Я. Свида, Стульг<инский>. Больше того, описание уголка, который занимает автор письма вместе с Зеньковичем, совпадает с планом, в правом верхнем углу которого значится: «Зенькович» (слева от окна), «моя кровать» (справа от окна), «шкаф З<еньковича>» (под окном), «шкаф Зен<ьковича>» (возле кровати). В пояснении

ВИДЫ КАДАИ. ВИНЬЕТКА
НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ

Рисунок польского политического
ссыльного (имя не установлено),
1866 г.

Дом-музей Н. Г. Чернышевского,
Саратов

к плану это подтверждается: «Моя кровать у входа; у дверей стоит большой шкаф Зеньковича, который заслоняет меня от дверей». И дальше описание подробностей убранства этого уголка: «Шкапчик мой стоит около Олеся под окном. Над кроватью прибита этажерка с книжками, вернее, просто полочки, на них ваши фотографии. В головах распятие и пресвятая дева работы Обромпельского». Обстановка камеры, судя по плану, очень примитивна: возле каждой кровати шкафчик, в центре комнаты — общий стол.

Даже в том случае, если наше предположение, что соседнее с этой комнатой помещение занимал Чернышевский, не сможет быть доказано, этот план вместе с приведенными отрывками из писем так же, как и опубликованные нами рисунки, расширяет наше представление об условиях, в которых находились политические ссыльные в тюрьмах Восточной Сибири (в частности в Усолье) в середине 1860-х годов.

Несомненно, что найденные нами рисунки далеко не исчерпывают изобразительного материала, связанного с пребыванием Чернышевского на каторге. Даже первые попытки изучения этого вопроса показали наличие крайне интересных и совершенно неизученных данных.

Так, один из польских ссыльно-каторжных, художник Александр Сохачевский сделал портрет Чернышевского*, который был впоследствии представлен на выставке работ Сохачевского в Кракове¹⁴. Тому же автору принадлежит картина «Ссыльные на границе Сибири» (другое название «Прощание с Европой»), где среди каторжан изображен Чернышевский¹⁵.

В книге Grabiec'a «Rok 1863», изданной в 1913 г. в Познани, помещено несколько иллюстраций, изображающих политическую каторгу 1860-х годов. Они воспроизведены с зарисовок, сделанных польскими революционерами, отбывшими каторгу в Сибири. Два из них (см. на стр. 127 настоящего тома) принадлежат А. Сохачевскому.

Все это дает основание думать, что иллюстративный материал, относящийся к пребыванию Чернышевского на каторге, еще далеко не изучен и ждет своего исследователя.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1866 г., д. 22, ч. I.

² В ведомости нерчинского коменданта от 15 мая 1865 г. перечислены шестьдесят пять политических ссыльно-каторжных, находившихся в Иркутском солеваренном заводе, среди которых значится и С. Катерла (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1865 г., д. 164, лл. 28 и 38).

³ Czernik. Pamiętniki weterana 1864 g. Wilna, 1914.

⁴ Н. А. Алексеев. Свидание Н. Г. Чернышевского в Кадае.— «Каторга и ссылка», 1930, № 1, стр. 161—165.

⁵ На 3 февраля 1865 г. в Кадае было сорок политических заключенных, а на 26 октября 1866 г. количество их увеличилось до ста (доклад коменданта Нерчинской ратоги Шилова в III Отделение от 3 февраля 1865 г. и доклад генерал-губернатора

* Благодаря этому указанию покойной Ф. Н. Радзиловской нам удалось обнаружить портреты Чернышевского работы А. Сохачевского и коллекцию его картин, изображающих политическую каторгу 1860-х годов. Они находятся в настоящее время в Историческом музее в Варшаве.

Сохачевский писал свои картины по зарисовкам с натуры и материалам, собранным во время двадцатилетнего пребывания на каторге и в ссылке в Сибири, и они представляют большой иконографический и документальный интерес. В одном из ближайших томов нашего издания мы рассчитываем опубликовать статью о Сохачевском, обещанную «Литературному наследству» польским исследователем В. Кордовичем.

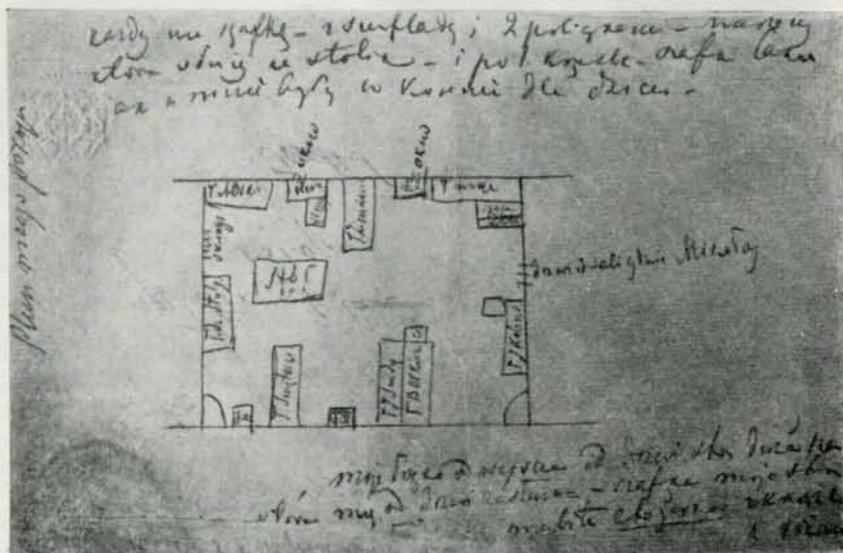
Приносим глубокую благодарность за помощь, оказанную нам в разыскании работ Сохачевского, президенту Польской Академии наук академику Тадеушу Котарбинскому, любезно направившему наш запрос в соответствующие научные учреждения Польши, и директору Исторического музея в Варшаве доктору Янушу Дурко, предоставившему в наше распоряжение фотографии с портретов и картин Сохачевского. Часть их воспроизводится в настоящем томе.—Ред.

СЦЕНЫ ИЗ БЫТА НАСЕЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЗАВОДА.
 НА АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЗАВОДЕ В 1866—1871 гг. ОТБЫВАЛ КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ
 ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

«Группа бурят в национальных костюмах, продающих чай» (верхний рисунок). «Тунгусы и буряты» (средний рисунок). «Тунгусская и бурятская езда» (нижний рисунок). Рисунки польского политического ссыльного (имя не установлено), 1865—1866 гг.

Центральный исторический архив, Москва

ПЛАН КАМЕРЫ В КАЗАРМЕ ИРКУТСКОГО УСОЛЬЯ

Рисунок польского политического ссыльного (имя не установлено), 1865—1866 гг.

Перевод надписей на плане см. на стр. 153—154

Центральный исторический архив, Москва

Восточной Сибири в III Отделение от 26 октября 1866 г. — ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, лит. Е, лл. 100 и 173).

⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 341, лит. Е, л. 79 об.

⁷ О. С. Чернышевская пробыла в Кадае с 23 по 27 августа (4—8 сентября) 1866 г. Зарисовки Кадаи, привезенные ею, помещены в книге: «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», вып. 1. СПб., 1912.

⁸ См. там же, стр. 176 (прим. 3).

⁹ Этот рисунок опубликован в кн. М. Н. Гернета «История царской тюрьмы», вып. II, М., 1951, стр. 288.

¹⁰ Из донесения начальника Иркутского жандармского управления полковника Дувинга в III Отделение. — «Каторга и ссылка», 1927, № 4, стр. 187.

¹¹ ЦГИАМ, ф. Нерчинской каторги, д. 5088, 1864 г., л. 74.

¹² См. эти документы в кн.: Ф. Майский. Чернышевский в Забайкалье. Чита, 1950, стр. 37, 61; «Записки рукописного отдела Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. VI, 1940, стр. 55—59; «Каторга и ссылка», 1927, № 4, стр. 186—197.

¹³ Александровская тюрьма (Александровский завод) Нерчинского горнозаводского округа была основана в 1832 г. В 1860-х годах Александровский завод становится центром сосредоточения наиболее важных политических «преступников». Кроме польских повстанцев, в это время здесь отбывали каторгу: Чернышевский, П. Д. Баллод, С. Г. Стахевич, М. Д. Муравский, Н. В. Васильев, А. А. Красовский, В. Н. Шаганов, М. Н. Загибалов, П. Ф. Николаев, Н. А. Ишутин, Н. П. Странден, Д. А. Юрасов, П. Д. Ермолов и др.

¹⁴ A. Sochaczewski. Sibir Wystawa obrazow. Krakow.

¹⁵ A. Sochaczewsky. Figures d'exilés politiques. Extraits du tableau à A. Sochaczewsky «Les exilés à la frontière de Sybérie». Bruxelles.